

ПРАВИТЕЛЬСТВО ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ
ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КОМИТЕТ ФИННО-УГРОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЮГРЫ
ОБСКО-УГОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов
(17-20 ноября 2009 г., Ханты-Мансийск)*

ББК 81.2+71.4 (=660)

УДК 811.511.1

Я 41

Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. – Ханты-Мансийск, 2009. – Инф.-изд. центр ЮГУ. – 425с.

В сборнике представлены материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов, состоявшейся 17-20 ноября 2009 г. в г. Ханты-Мансийске. На конференции обсуждались вопросы языкознания, литературоведения, фольклористики, этнографии, археологии, этнической истории, педагогики, психологии, социологии, экономики. Материалы размещены по разделам согласно основным направлениям конференции.

За содержание представленных материалов редколлегия ответственности не несет.

Редакционная коллегия

Н. Г. Айварова, Т. В. Волдина (отв. редактор), С. С. Динисламова, Е. А. Игушев, Е. В. Косинцева, Н. А. Лыскова, М. К. Сайнахова (сверка текстов на финно-угорских языках, В. Н. Соловар, В. И. Сподина.

ББК 81.2+71.4 (=660)

УДК 811.511.1



сможет рассеять тьму смутной эпохи. Кай-о! Кай-о-йо! («Сознание Торума», 1997).

Это не столько трансформация, сколько расширение концепта, наполнение его новыми составляющими, а именно: жить в согласии и гармонии с окружающей природой; стремление вмешаться в жизнь; осмысление конкретной реальности современной жизни Севера; желание сохранить в себе лучшие черты добрых своих предков. Показательно,

что в предисловии к своей первой повести «Синий ветер каслания» (1964), Юван Николаевич скажет: «Когда я пел про синий ветер каслания, я думал не столько о цвете ветра и игре звуков под копытами оленей, сколько о жизни с её запахами и красками, в её вечном ритмическом движении. Задача моя была ... довести до слуха читателя древнюю музу моего Севера, поведать о белой тайге, где бродит жизнь рядом со сказкой...».

Л.П. Федорова
г. Ижевск

УДМУРТСКАЯ И КОМИ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В современном литературном процессе Республики Коми и Удмуртии женское творчество занимает ведущие позиции, в диалоге и споре с мужской поэзией ищет новые формы и способы художественного выражения национального идентитета, женской субъективности и нравственно-этических ценностей.

Удмуртская и коми женская поэзия начала нового XXI века разнообразна по тематике, стилистике, поэтике, в ней переплелись лирические традиции прошлого столетия и постмодернистские веяния рубежа веков. Это первое поколение поэтесс, поэтесс-филологов, воспитанных на лирических традициях XX века, в том числе и женских. До рубежа XXI века мы не могли говорить о преемственности, особенно в удмуртской женской лирике, ибо каждое последующее поколение не знало предшествующего из-за сложившейся исторической и социокультурной ситуации. Возможность говорить о новом поколении авторов возникла в последнее десятилетие. Молодые удмуртские и коми поэтессы (Лидия Нянькина, Оля Ведрова, Зинаида Рябинина, Надежда Пчеловодова, Люза Бадретдинова, Екатерина Макарова, Лариса Марданова, Лариса Орехова, Нина Обрезкова, Анжелика Елфимова, Алёна Ельцова, Любовь Ануфриева, Алёна Шомысова и др.) формировались под воздействием перестройки, резко изменившей социально-психологический

климат и культурный контекст: за много десятилетий это было первое поколение, стоящее перед необходимостью определяться в быстро меняющемся мире, а не адаптироваться к условиям стагнации. Поэтому в лирике молодых поэтесс наблюдается стремление к преодолению шаблонов, выработанных традиционной нормативной эстетикой, попытка сломить назидаемую систему ценностей. Яркое тому подтверждение четырехязычные, опубликованные в Таллинне, сборники Зинаиды Рябининой, Ларисы Ореховой, Ларисы Мардановой, Люзы Бадретдиновой, Надежды Пчеловодовой, Нины Обрезковой, Анжелики Елфимовой, Алёны Ельцовой, представляющих в поэзии новую волну, сочетающих в своем творчестве национальные традиции, опыт русской и зарубежной классики, ищущих новые формы выражения женского идентитета и современности.

Сначала поговорим об отличительных особенностях удмуртских поэтесс. Индивидуальный почерк каждой из них узнаваем: интеллектуальность и культурная множественность поэзии Ларисы Ореховой, психологизм и феминистность поэтических текстов Зинаиды Рябининой, возвышенность и фольклорность лирики Люзы Бадретдиновой, символичность стихов, расщеплённость сознания лирической героини Ларисы Мардановой, гражданственность и «детскость» поэзии Надежды Пчело-



водовой, трагичность мироощущения Екатерины Макаровой. Но при неповторимости их настроений и манеры письма для нового поколения художников слова свойственны черты, объединяющие всех и в то же время отличающие их от предшественников:

- смена глубокого лиризма поэзии 1980–1990-х философскими размышлениями о себе и смысле жизни, любви, времени, женственности и мужественности;
- метафоричность письма;
- драматическое мироощущение, мотив одиночества и безысходности, усталости от жизни;
- смена ведущих мотивов поэзии 1980–90-х – «любовь–страдание, любовь–боль», «жить значит любить» мотивом «любовь–игра»;
- эгоцентричность, самодостаточность, ироничность лирической героини,
- психологическая напряженность героини, вызванная необходимостью постоянного выбора из множества сущностей, явлений и отношений;
- традиционность образной системы при разной семантической наполненности устойчивых образов;
- богатство формальных структур, эксперименты в стихосложении;
- новое отношение к поэтическому языку;
- близость к разговорной интонации.

В коми женской литературе XX-го столетия лирическая струя была менее выражена, чем в удмуртской, стихи коми поэтесс 1970–1980-х годов отличались эпичностью, гражданственностью, философичностью.

Новая волна коми поэтесс в литературу пришла в начале 1990-х годов – Нина Обрезкова, Анжелика Елфимова, Алёна Ельцова, Любовь Ануфриева, Алёна Шомысова и другие. По замечанию президента ассоциации финно-угорских писателей Арво Валтона современная коми литература стала очень «женской». В течении XX-го столетия коми женщины в основном творили в жанре прозы. Первой коми поэтессой принято считать Александру Мишарину, она пришла в литературу в 1970-е годы и продолжает активно работать сегодня.

Молодые поэтессы продолжили традиции

Н. Куратовой, А. Мишариной, Г. Бутыревой но усилили лирическое звучание коми поэзии. Литературовед Вера Латышева заметила по этому поводу: «Женщина раньше всех почувствовала новое время, когда лирика, как литературный род, вернулась на свои извечные интимные и человеческие пути подлинных чувств, освободившись от ложного пафоса и казенных эмоций» [1].

Интересно проследить изменения в любовной лирике молодого поколения, вечной теме женской лирики. Хотя в последних сборниках удмуртских поэтесс эта тема в количественном отношении не всегда занимает ведущее место.

Зинаида Рябинина — представитель психологического направления современной удмуртской поэзии. Во взаимоотношениях мужчины и женщины для неё важны понимание, поддержка и уважение в различных жизненных ситуациях, умение здесь и сейчас открыто проявлять чувства, ей хочется свежести в отношениях. Она жаждет большой настоящей любви, пусть украдкой, зная, что, может быть, это единственная встреча. Поэтесса через незначительные жесты, мимику, движения тонко подмечает и понимает состояние любимого.

Её лирическая героиня своенравна, горда, самодостаточна, уверена в своей правоте и неповторимости. Она готова открыто любить себе равных, не стесняясь и не скрываясь. Поэтому она спорит и порой иронизирует над устоявшимися привычками и стереотипами, когда девушки готовы ради любимых на жертвы. Один из разделов первого сборника она намеренно назвала «На голубом небе звезды не светят», переиначив в отрицательном значении заглавие известного стихотворения, ставшего популярной песней, удмуртской поэтессы 1960-х годов Алевтины Аникиной, явно полемизируя с моделью поведения героини и ведущими мотивами женской любовной удмуртской лирики 1960–80-х годов.

Своеобразна любовная лирика Ларисы Мардановой. Для неё мир любви наполнен воздухом горечи [1:11]: «Кузялпот пот кадъик кузял та яратонэ» («Как полынь горька моя любовь») Основной мотив «любовь–боль», «любовь–страдание» в какой-то степени может повторять настроение любовных



стихотворений женщин-поэтесс предыдущего поколения, но реакция лирической героини на разлуку с любимым совершенно иная: она сдержанна, хладнокровна, без надрыва и особых эмоций фиксирует уход любимого человека, надеясь на встречу с ним в других мирах [1:44]: «Тонэ уг возьма мон керзег, – Инсьоръёсти лобом ни чош» («Тебе я не буду ждать нервно – / За небесами полетим уж вместе») «Овол, тон кадяд ик кезьыт мон луи – Котыр дуннелэсь вир-лулэзэ сюписьско» («Нет, я холодная стала, как ты / – Душукровь окружающего мира сосу»). В ее поэзии нет традиционных сердечных страданий, она скорее любит разумом «Йыромоз йырвымам вуж яратонэ...» («Заблудится в мозгах старая любовь»).

Особый интерес в поэзии Л. Мардановой представляет выражение женской субъективности. В её стихах нет цельной личности лирической героини, при кажущейся её самодостаточности и самоуверенности по отношению к «другому» она чувствует себя униженной, выражая свою самооценку через образы-метафоры: «я – старая тряпка»; «я – мёртвый воробей», «я – собака», она и воронка, и пустота, и ленивая, и бессовестная, и «глупышка-дочь», и «я – это не я. / Это кто-то другой», «я засохший листок на верхней ветке зелёного клёна бадярлэн», «брошенный котёнок я – ненужный», «я – простая засохшая ветка». В этом жестоком и ненастоящем мире она устала жить под маской, обманывая себя и других, ей хочется «начать жить под своим именем».

В любовной лирике Надежды Пчеловодовой центральное место занимает образ возлюбленного, но чувство ревности не затмевает чувство благодарности, счастья. Он для неё не только любимый мужчина, но и наставник, мудрый учитель, свободный человек. Героиня радуется каждой встрече, детально фиксирует каждый жест, движение любовных ухаживаний, они доставляет ей наслаждение. Характерный мотив удмуртской женской лирики, готовность служить любимому, ранее традиционно выражался в сослагательном наклонении, а в стихах Н. Пчеловодовой все происходит сейчас и здесь. Её лирическая героиня открыто и активно ухаживает за любимым,

являясь музой и вдохновителем [2:37]: «Ветасько воттэ шокаменым. / Чуказелы нонтисько малпанъёссэ. / Яратисько тонэ. Яратисько. – («Кажаю твой сон своим дыханием. / Завтрашние мысли твои / грудью кормлю. / Люблю тебя. Люблю»).

Излюбленный поэтический приём в творчестве Пчеловодовой – нанизывание слов образов, метафор, действий, чаще выраженных одинаковой частью речи. Это в одних случаях создает ощущение бесконечности, в других – напряженности и нагнетания, в третьих – восторга и умиления. Для этих стихов свойственно намеренное разрушение традиционных формальных и синтаксических структур, отказ от традиционного, «правильного» оформления стиха. Это наблюдается в оформлении начала строки: отказ автора от заглавных букв и знаков препинания.

В современном поэтическом мире стихи Любы Бадретдиновой – это соединение традиций женщин-лириков 1980-х годов и новаций поэзии рубежа веков. Лирическая героиня поэтессы живёт в мире чистой любви, которая возвышает её и говорит о необычайном внутреннем благородстве. В удмуртской поэзии она единственная кто к любимому обращается на Вы, он для неё недостижим. Её любовь безответна, полна драматизма, но отличается постоянством и озарена светом. В любовной лирике автор создаёт оппозицию мужского и женского. Женское для неё – это ожидание, верность, сердечность, терпение, постоянство, мужское – карьера, стремление к победе, непостоянство, измена, ложь.

Для коми поэтессы Нины Обрезковой рождение стихов, в целом творчество – это боль сердца о любимом («Любви горечь», «За этим словом», «Есть стихи»). Истинное счастье для героини Н. Обрезковой, как и в поэзии удмуртских поэтесс 1980-х годов, в ребенке, а счастье с любимым – в прошлом. Но героиня и поныне тихо молится за счастье любимого: «светлого, теплого, чистого вымаливаю для тебя». В. Латышева, рассуждая о поэзии Н. Обрезковой заметила, что «затаённая, глубоко скрытая боль и память под видимой легкостью и даже беззаботностью эмоций по утраченной любви тем более безутешна, что это была первая любовь» [3].



Излюбленный жанр коми поэтессы Н.Обрезковой – короткий стих. Жанр требует от художника большого духовного напряжения, умения в 10-15 словах дать философское осмысление действительности. В малых формах ярко проявляется индивидуальность поэтического мышления [4:7]: «Коркё воан гортад/ ыджыд мортён.../ Сомын пыригад эн зурась – миян ёдзёс беллыд ляпкыд... Гортад пыриг – юртё копырт... («Когда-то вернешься домой/ ты большим человеком.../ Смотри, не ударься, входя /— Наш косяк невысок. /Заходя, ты пригнись на пороге»); «Эмось мужичёйяс, / кодлы чужестан челядь, / Эмось – кодлы кывбурьяс. – («Есть мужчины/ которым рождаешь детей, Есть – которым стихи»)[4:36]; «Козьнав меным дзоридзьяс, / Сэсся дзик нинём ог кор ме. / Ставсё верма ме аслым козьнавы. / Сёмын дзоридзьяс ог вермы. – («Подари мне цветы, / большего не прошу. / Всё себе я могу подарить, / только цветы не могу»)[4:35]. Ведь выразительные средства в коротком стихе почти сведены к нулю: две-три строки. Простота, краткость, концентрированность мысли, изящность формы, легкость чтения импонирует читателю. Стихи Н. Обрезковой напоминают мне поэзию удмуртской поэтессы Г. Романовой по эпическому содержанию и близки лирике Аллы Кузнецовой по афористичности, краткости и точности выражения нравственно-философских воззрений своих народов, хотя по форме они отличаются. По справедливому замечанию Арво Валтона «она из самых интеллектуальных авторов среднего поколения в коми литературе, чьи стихи выделяются в поэзии восточных финно-угров своей лаконичностью и точностью» [4], «...где порой дистих, катрен, одна фраза составляют все стихотворение» [5].

Большая часть стихов Анжелики Елфимовой посвящена любви. Её стихи не по возрасту юношеские, для её лирической героини мир сосредоточен вокруг двух людей – любимого и мамы. Она признаётся [6:7]: «Ме олбмасьиктор и кужа: / Гижны кывбур. Да радейты тэнё... – («Я в жизни две вещи и умею: / Писать стихи / И любить тебя...»). Мама, ее дом – для неё уголок тепла, комфорта, душевности. Находясь далёко от матери, она часто с

ней беседует, в ее жизни постоянно присутствует мама («Не плачь», «Вернулась домой», «Посидим, мама, вдвоём»): «Эн бёрд. | Ме тэныд сыла сыланкыв, / Кутшёмс коркё сывліс мамой, / И лолыд лоас ме кодь рамон, / Эн бёрд. / Ме тэныд сыла сыланкыв».— («Не плачь, / Я спою тебе песню, / Ту, что пела мне мама, / И душа твоя успокоится. / Не плачь, я спою тебе песню»)[6:39].

Лирическая героиня открыта любви, у неё вся жизнь соткана из любовных чувств. Нежная, ласковая, воздушная, женственная она желает быть растворенной в объятиях любимого, ежеминутно быть рядом с любимым: «Уна Енмыслыс ог кор / Ставыс тёрас ёти соддзё: / Мед тэ мекёд волін орччён / Унмовся и садьма кор...» – («Много у Бога не прошу, / Все поместится в одну пригоршню: / Чтоб ты со мной был рядом, / Засыпаю и просыпаюсь когда...»)[6:13], но любовь для героини остаётся только в мечтах. Зримый образ любимого в ее стихах не присутствует, эпицентром ее поэзии являются чувства, переживания, огорчения, но вместе с тем все мысли и слова обращены к нему. Ведущий мотив её поэзии – расставания с любимым, переживания этого расставания. Отсчет разлуке она ведет по минутам и часам: «Сэтшём ёна бырис гажёй / Тэныд корысь. Чеччё сьёлём, / Бытьё аддзёдчывлім важёён, / Эськё, несла петлін сёмын»— («Я так соскучилась / По твоему запаху. Колотится сердце, / Словно мы не виделись давно, / На самом деле за дровами выходил всего...»)[6:31]; «Слабог, ловйён на, тай, коли. / Бёрдём шыёс йёла летё. / Кыззёк верми жё ёд, колли / Войсё медводдзаясь тэтёг...» – («Слава богу, жива. / Эхом отзывается мой плач. / Смогла как-то, прожила / Первую ночь без тебя...»)[6:32]; «Сомын вежсон тэтог... / Бытьё сизим во... Квайт лун дорё – ёти / Быри-воши лем. Тэ эн вежсыньёти, Дзор юрсия ме...» – («Всего неделю без тебя, / А кажется семь лет... / Шесть дней и один / Исчезли-испарились. / Ты ничуть не изменился, / Я – седая»)[6:35]

Любовную драму, любовь-боль она выражает через непривычные образы и ситуации, «слова любви не стали мостом счастья», в стихах возникают неожиданные параллели: «Сьёктаммёмомсь кольясён козьяс. / Мамой



шуд: «Виччысь кӱдзыд тӱв». / Меным ним-
кодъ: / Сидзкӱ, войяснас тӱ ме дорӱ / Ёнджы-
ка кутан топӱдчывны» – («Отяжелели шиш-
ками ели, / Мама говорит: «Жди холодной
зимы». / Мне радостно: / Значит по ночам
ты ко мне / Крепче будешь прижиматься...»)
[6:11].

Таким образом, вечная тема поэзии всех
времен и народов в современной коми и жен-
ской лирике находит своеобразное воплоще-
ние на уровне поэтической образности, на-
строений и мотивов, визуального, а именно
строфического, графического, синтаксическо-
го, оформления стихов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марданова Л. Ёыромон / Блуждание. Tallinn: Kirjastuskestus, 2008.
2. Пчеловодова Н. Куттэмпыд / Босиком. Tallinn: Kirjastuskestus, 2008.
3. Латышева В. Классики и современность: Ста-
тьи о литературе. – Сыктывкар: Коми кн. изд.,
2005. 240 с.
4. Обрезкова Н. Нинпу / Липа. Tallinn: Kirjastuskestus, 2007.
5. Валтон А. Нина Обрезкова // Н.Обрезкова. Нинпу
/ Липа. Tallinn: Kirjastuskestus, 2007. С. 69.
6. Елфимова А. Еджыд вӱтъяс / Белые сны. Tallinn: Kirjastuskestus, 2008.

Н.А. Федосеева
г. Йошкар-Ола

РОЛЬ КАЗАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ В ФОРМИРОВАНИИ МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Как отмечено многими исследователями,
Казань сыграла большую просветительскую
роль в истории многих народов России [1].

С этим городом связано издание первых
книг, букварей на черемисском (марийском),
чувашском, калмыцком, пермском, вотском
(удмуртском), мордовском языках. Особенно
это было связано с открытием в Казани Брат-
ства св. Гурия в 1867 году и созданием при
нем переводческой комиссии.

В Казани же были открыты первые школы
для детей инородцев. Особое же место среди
них занимает Казанская учительская семина-
рия, открытая в 1872 году, которая была куз-
ницей в подготовке национальных кадров.

В свое время это учебное заведение было
центром передовой педагогической мысли и
интернационального содружества. Инициато-
ром и основателем братства, семинарии был
Н.И. Ильминский, который разработал линг-
водидактические и общепедагогические прин-
ципы переводческой и издательской работы.
Это «позволило авторам и переводчикам книг
для нерусских народов создать адекватную
задачам инородческого просвещения учебно-
методическую базу. Научная разработка наци-
ональных алфавитов на русской графической

основе, стимулированная Н.И. Ильминским,
способствовала возникновению и развитию
письменностей, литератур, книгоиздания и
журналистики народов Поволжья» [2].

Выпускниками Казанской учительской
семинарии являются известные люди марий-
ского края: Т. Ефремов – автор первого ма-
рийского гимна; В. Мухин-Сави – первый ди-
ректор МарНИИЯЛИ, А. Эшкинин; С. Чавайн
– автор первого марийского стихотворения,
П. Эмяш, И. Митюк: Гаврилов, А. Баронов,
Тыныш Осып, Г. Леонтьев и другие. Как от-
мечает П.А. Апакаев за период ее функцио-
нирования (1872–1919) было подготовлено 1500
учителей из представителей 18 национально-
стей, в том числе 128 – из марийцев [3].

Началом зарождения профессиональной
марийской литературы принято считать по-
явление первого авторского стихотворения на
марийском языке. Это «Ото» («Роща») Сергея
Григорьевича Чавайна.

Классиком марийской литературы сти-
хотворение «Ото» написано 2 декабря (ст.ст.)
1905 года во время учебы в Казанской учи-
тельской семинарии. Первая публикация про-
изведения состоялась в 1920 г. на страницах
газеты «Йошкар кече» («Красное солнце»).